

Сказки о рыбаках и рыбках

Автор:

Владислав Крапивин

Сказки о рыбаках и рыбках

Владислав Петрович Крапивин

Великий Кристалл #6

Художник Валентин Воынов волею случая оказался в детском летнем лагере, где под его опеку попадает группа ребят. Валентину приходится защищать мальчишек и девчонок от разных злых сил – не только земных, но и гнездящихся в параллельных мирах. Таким образом, художник Воынов становится одним из Командоров – так называются защитники детства в книгах цикла о Великом Кристалле.

Владислав Крапивин

Сказки о рыбаках и рыбках

Вступление.

Рыболов

Эти заросшие диким укропом и лебедой улицы были как воспоминание детства. Причем не его детства, не Валентина, – он-то провел свою ребячью пору среди блочных пятиэтажек, – а детства давнего, уютного и теплого, когда мальчишки гоняли по дощатым тротуарам обручи от бочек, запускали с невысоких крыш змеев и если дрались, то всегда честно, один на один...

Любопытно, что выросший в Краснохолмске Валентин в школьные годы эту часть города почти не знал. Если в ту пору он и оказывался здесь изредка, то смотрел вокруг без интереса. Не понимал... И лишь когда узнал про «Репейник», стал ходить сюда чуть не каждый день.

На востоке эти не тронутые временем деревянные кварталы обрывались на берегу Васильевского озера, с запада их отрезал от центра проспект Космонавтов, с юга и севера теснили горные хребты типовых двадцатиэтажных микрорайонов. В южном Валентин жил. В северном находился клуб «Репейник» – новые друзья Валентина, его самая большая отрада в нынешние времена.

От дома до «Репейника» добираться проще всего было на троллейбусе, по проспекту. Но Валентину нравилось ходить пешком, пересекая от края до края тихую городскую старину. При этом он старался каждый раз выбрать новую дорогу. Путаница извилистых улочек, переходов, тропинок среди ветхих заборов манила своей причудливостью...

Вот и сегодня Валентин свернул наугад – на дорожку за переделанной под керосиновую лавку часовенкой – и оказался в незнакомом ему до сей поры переулке с симпатичным названием Ручейковый проезд (хотя на проезд было не похоже – в заброшенных колеях росли аптечная ромашка и подорожник).

Вот здесь-то Валентин и увидел маленького рыболова.

У осевшего в лопухи бревенчатого дома была под мятой водосточной трубой врыта бочка. Глубоко врыта – над травой торчала круглым заборчиком лишь ее верхняя кромка с клепаным обручем. Видимо, хозяева добывали здесь для стирки мягкую дождевую воду. Над краем бочки, на самодельной лавочке из кирпичей и доски, сидел мальчонка лет восьми. В красных плавках и куцей, выше пояса, рыжей майке. Полуденное солнце блестящими точками горело в его давно не стриженных ржанных волосах. Он рыбачил – держал в руках короткую удочку, и леска от нее уходила в бочку. А на лавочке рядом с ним стояли новые алые сандалетки. И на лице, и в позе мальчика была такая сосредоточенность, такая готовность вот-вот выудить из дождевой бочки настоящую рыбку, что смеяться над ним – не вслух, а даже про себя – было грешно...

Однако над рыбаком смеялись. Двое мальчишек лет двенадцати (вполне славные, не вредные с виду) и растрепанная девчонка в мятых шортах стояли

шагах в десяти от бочки, держались за велосипед и бросали в пространство громкие ядовитые фразы.

- Тра-та-та, тра-та-та, я поймал вчера кита, - заявил один мальчишка.

- Насадил кита на шпильку и поймал на это кильку, - подхватил второй.

А девчонка выдала целое четверостишие:

Я ловить всегда готов,

Только больше нет китов.

Все киты ушли на дно,

В бочке плавает... хи-хи...

«Хи-хи» - это потому, что она заметила Валентина. А то, глядишь, и срифмовала бы.

А мальчик у бочки не реагировал. Тощенькая спина его спокойно презирала дразнильщиков.

Валентин любовался маленьким рыболовом, радуясь, запоминая, выпитывая эту картинку, чтобы сегодня же обязательно сделать рисунок в альбоме. Потом подошел к ребятам.

- Зачем вы его дразните? Пускай играет как хочет...

Мальчишки вроде бы смутились. А девчонка дерзко фыркнула:

- Подумаешь!.. Дело не в том, что играет, а в том, что хвастун. Всем говорил, что щуку вытянет, а сам таскает одну мелочь... - И громко окликнула рыбака: - Эй, Князь! Ты хотя бы карася поймал! А то твою мелочь даже кошки не едят!

Мальчик не шелохнулся. А Валентин в это время думал удивленно: «Какая мелочь?.. В бочке кто-то водится? Может, жуки-плавунцы или головастики?»

Он спросил:

– А почему вы его Князем дразните?

– Мы не дразним! – обиделся смуглый, будто закопченный мальчик. – Просто прозвище такое. У каждого прозвище есть. Я, например, Дым, а вот он, – Дым кивнул на светлого круглолицего приятеля, – Оладя... А вот она – Швабра!

Девчонка дурашливо замахнулась на него, мальчишки со смехом дернули велосипед. Оладя скакнул на раму, Дым на седло. Рванулись вперед. Девчонка догнала их, прыгнула на багажник, и тройца покатила вдоль забора, вихляя колесами в лебеде.

Валентин подошел к рыбаку. Тот не двинулся. А Валентин увидел рядом с бочкой то, что не заметил раньше. В одуванчиках стояла трехлитровая банка, в ней плавали несколько окунят и ершиков размером со взрослый мизинец. Чудеса!

Валентин заглянул в бочку. Воды было почти доверху. Солнце просвечивало ее до дна, там блестели две пивные пробки. И больше ничего в бочке не было – только мальчишкины ноги, которые в воде казались зеленоватыми. Рыболов тихонько шевелил пальцами. На Валентина не смотрел.

– Неужели тут что-то водится? – осторожно сказал Валентин.

Вопрос был глупый – откуда же тогда рыба в банке. И другой мальчишка – повзрослее и посмелее – наверняка съехидничал бы в ответ. Но этот лишь взглянул спокойными серыми глазами и ответил без улыбки:

– Понемножку... – И вдруг откинулся, дернул удочку, на леске взлетела блестящая рыбешка, сорвалась. Мальчик поймал ее в ладонь. Опустил в банку плотвичку.

– Чудеса, – повторил Валентин уже вслух, дивясь, что не очень удивляется чудесам. Сел на корточки у банки. И чтобы чуть-чуть польстить мальчишке, заметил: – Не такая уж это мелочь. Почему они говорили, что кошки не едят?

Мальчик через плечо глянул туда, где недавно стояли обидчики. Слегка насупился и объяснил:

– А они и по правде не едят. Я ведь их не даю кошкам, рыбок-то...

– А для чего ловишь? На уху?

Мальчик повел облупленным плечом.

– Вот еще... Я их просто так... Наловлю, а потом отпускаю.

«Вот как!» – почему-то обрадовался Валентин. И спросил осторожно:

– Думаешь, рыбки не погибнут? Крючок-то их ранит...

Мальчик опять повернулся к Валентину. Сказал со снисходительной досадой на его непонятливость:

– Ну разве же я крючком ловлю? Я магнитом...

Валентин поскреб бородку.

– Каким магнитом?

– Обыкновенным. Из хлебного мякиша.

– Шутишь, что ли?

Мальчик опять повел плечами: вот, мол, принесло на мою голову какого-то курчавого-бородатого. И бестолкового. Но выдернул из воды леску. Показал на ее конце темный шарик с дрожащей каплей.

– Разве это магнит? – Валентин вынул из нагрудного кармана карандаш со стальным колпачком, поднес к шарiku. Тот не качнулся. А мальчик вдруг тихонько развеселился:

– Ой, ну что вы... Это же не железный магнит, а для рыбок! Специальный... Вот! – Он опустил шарик на леске в банку и тут же выдернул назад – с прилипшим к нему пескариком.

«Чудеса!» – подумал Валентин и не сказал это лишь потому, что повторяться так было уже неприлично. Только опять заскреб в отросшей бородке. Мальчик стряхнул пескарика в банку и проговорил с неожиданной доверительностью:

– Это же случайная добыча. Вот если бы щуку...

«Бедняжка, он и правда верит в такое», – вздохнул про себя Валентин. И спросил со всей серьезностью:

– Думаешь, такой магнит щуку удержит?

– Не сомневаюсь, – очень по-взрослому ответил мальчик.

– Ну а с ней... что будешь делать, если поймешь? Маме принесешь на уху?

Тень возмущения метнулась в мальчишкиных глазах.

– Ну вы сказали!.. Я думал, вы понимаете. Это же не простая щука!

– А какая?

– Та самая, – со вздохом отозвался он. И булькнул в бочке ногами. – Которая «по щучьему велению»...

– А! – весело подыграл Валентин. – Это, значит, чтобы любое желание выполнялось...

Плечи мальчика как-то поникли. Он сказал полупшепотом:

– Мне любое не надо... Одно бы...

– А... какое? – посерьезнел Валентин. – Не секрет?

Мальчик еле слышно сказал:

- Секрет...

- Ну извини...

Мальчик шевельнул спиной: ладно, мол, чего там... Он словно повзрослел на глазах.

Если и было все это игрой – щука и так далее, – то игрой с каким-то серьезным, неведомым Валентину смыслом. И Валентин ощутил тяжелую неловкость из-за своего непрошеного вмешательства. Однако уйти просто так было тоже неловко. И ничего лучшего не нашел он, как пошутить. Причем заранее ощутил виноватость от неуклюжести этой шутки:

- Щука для такой бочки все-таки великовата. А вот золотая рыбка – в самый раз. Она ведь тоже годится для желаний...

Реакция была неожиданной. Мальчик встряхнулся. Выдернул из воды ноги, крутанулся к Валентину. В серых глазах его словно трепыхались желтые мотыльки.

- Ой, правда ведь... А я не догадался.

Совесьць царапнула Валентина. «Зачем я малышу голову морочу...» Но, не устояв перед мальчишеской радостью, он опять подыграл ему.

- Только ведь золотых рыбок сетями ловят...

- Я знаю! У деда авоська есть, тонкая такая, шелковая. На обруч натяну – будет сачок. Тут ведь большая сеть не нужна! – Он радовался теперь так открыто и заразительно, что Валентина просто душой потянуло к этому необыкновенному пацаненку. В «Репейник» бы такого!

«А что, – подумал он, – мальчик-то местный, разыщу потом и приведу...»

А маленький рыболов доверительно поделился с Валентином:

– Надо только дождаться, когда солнце здесь отразится. Тогда уж точно выловлю. Потому что наговор для невода я даже лучше знаю, чем для магнита...

– Ну... ни пуха ни пера, – сказал на прощанье Валентин. И неожиданно, будто за язык дернули, добавил: – Князь...

Короткие светлые брови мальчика удивленно дрогнули, но отозвался он сразу – легко и озорно:

– Ага! Ни чешуйки, ни хвоста!.. – Вскочил на шаткую лавочку, начал мотать на удилице леску.

Валентин, улыбаясь, отошел, оглянулся, неловко помахал мальчику ладонью. И тот в ответ замахал Валентину...

Таким Валентин и запомнил маленького рыбака – как он стоит под июльским жарким солнцем со вскинутой головой, с поднятой над плечом ладошкой, похожей на крылышко. Веселый, коричневый, в мятой и смешно оттопыренной на животе майке...

...Ни разу потом не встретил Валентин этого мальчика. Мало того, не мог он отыскать даже этот дом с бочкой под водосточной трубой. Тропинка от часовни приводила то на заброшенный стадион, то на Водопроводную улицу. Да и сама часовенка при ближайшем рассмотрении оказалась отключенной трансформаторной будкой. Выйти же в Ручейковый проезд никак не получалось. А спрашивать Валентин почему-то стеснялся. К тому же наступили такие дни, что стало и не до этого.

Но пока все было хорошо, и он шагал, бережно унося из Ручейкового проезда ласковую память о встрече с маленьким ловцом золотой рыбки.

В этом настроении Валентин и добрался до «Репейника». Старые кварталы остались позади. Клуб располагался в цокольном этаже новой двадцатиэтажки. Над приземистой дверью голубела вывеска с названием клуба и эмблемой: мальчик и девочка, с головами, похожими на репейные маковки, плывут в

бумажном кораблике – веселые, беззаботные... И при взгляде на эту вывеску Валентина охватило уже привычное и все равно радостное предчувствие. Сейчас он окунется в жизнь, о какой тайно мечтал с детства. Туда, где полно ребячьей доброты, товарищеской надежности и умения радоваться друг другу. А еще – озорной возни и в то же время умного, общей работой продиктованного порядка...

В небольшой прихожей, у столика с телефоном, дулись в шашки – со щелканьем о доску и вскриками – два дежурных: рыжая Ленка Орехова и неугомонный, как чертик, быстроглазый Митька Игоркин. Оба подскочили, завопили «ура», будто не видели Валентина целый год.

– Привет, господа вахтенные командиры! Адмирал здесь? Новости имеются?

Митька отрапортовал, что «адмирал тута», особых новостей нет, а Валентина кто-то разыскивал по телефону.

– Какой-то дядька. Сказал, чтобы ты сразу позвонил, как придешь. Я записал телефон.

«Господи, уже и здесь отыскали», – подумал Валентин.

Номер был незнакомый. Откликнулись сразу:

– Штаб-поручик Рязский. Что вы хотели?

– Не знаю... Это вы что-то хотели. Просили меня позвонить, номер оставили.

– Фамилия...

– Чья? Моя?

– Ну не моя же! Я свою знаю. И вам представился, по-моему.

– Волынов моя фамилия, – с нарастающим чувством неволи и близких неприятностей отозвался Валентин. И попытался все-таки сохранить независимый тон. – А в чем дело, штаб-поручик Рязский?

– Зайдите к нам. В отдел воинского резерва. К шестнадцати часам.

– Это... обязательно?

Штаб-поручик отозвался со смесью скуки и легкого злорадства:

– Это на ваше усмотрение. Но если не явитесь, встанет вопрос об уклонении.

– Уклонении... от чего?

– Придете – все узнаете... – И застонали короткие гудки.

...Это было восемь лет назад, в эпоху «всеобщей стабильности», за два года до кончины Верного Продолжателя...

Часть первая. ЗАЛОЖНИКИ

Летний лагерь «Аистенок»

1

Дверь дачного домика была хлипкая, и после второго удара Валентин внес ее внутрь на левом плече. Отшвырнул к стене, рявкнул:

– Ты что делаешь с ребенком, падаль такая!!

Мухобоя отшатнуло в угол. Он поскользнулся, грохнулся, выпустил свою «хлопалку», вскочил...

– Стоять! Руки!..

Мухобой машинально вскинул руки над плечами (знает, гад!), но тут же опустил. Мигом пришел в себя.

– Вы что себе позволяете! Гражданин Воынов!..

– Я тебе покажу «гражданина»... – Валентин запально дышал. Вдруг сильно заболели негнущиеся пальцы и кисть левой руки. – Илюшка... ты иди. Я тут... поговорю...

Илюшка смотрел мокрыми глазами, из-за стола не встал. Подбородок был запрокинут, на горле дрожала синяя жилка.

– Иди и ничего не бойся, – выдохнул Валентин. – А я...

– Вы, собственно, почему здесь распоряжаетесь? – с полным теперь самообладанием произнес Мухобой. – Вам кто позволил врываться и громить?

– Иди, Илюшка, – третий раз, уже ровнее, выговорил Валентин. – Теперь не он здесь командует, а я. Он... снят с должности.

Илюшка быстро облизнул губы.

– Значит... он не будет подписывать документ?

– Что? Какой документ?.. Ничего он не будет подписывать! Только протокол своего допроса. У следователя... Иди, малыш...

Илюшка шевельнулся. Сказал тихо и отрывисто:

– Я ведь сам-то не отвяжу...

– Что?

- Ноги... - Он опять качнулся на табурете.

И Валентин увидел, что Илюшкины коричневые икры туго примотаны бинтами к табуретным ножкам. Морщась от жалости и будто от собственной боли, Валентин отцепил от пояса и раскрыл ножик-брелок (он всегда точил им карандаши). Чиркнул по марлевым лентам, они опали. Валентин яростно размотал, скомкал бинты, швырнул их в рожу неподвижного Мухобоя. Бинты не долетели, распустились в воздухе. Мухобой не шевельнулся.

Валентин за плечи подвел Илюшку к порогу (плечи вздрагивали).

- Обувайся и беги скорее...

Илюшка торопливо застегнул сандалии. Потом не то всхлипнул, не то прошептал:

- До свидания...

- Беги... Да! Заскочи на поляну у заброшенной будки, скажи ребятам, что они свободны...

Илюшка тяжело, не похоже на себя, побежал через ромашки под лиловым грозовым небом. Сильно сверкнуло, и почти сразу ахнул гром. Валентин рывком обернулся к Мухобою. Тот улыбнулся. Улыбка на костистом, обтянутом сухой кожей лице была как прямая черная щель.

- Значит, вы, Валентин Валерьевич, сняли меня с должности?

- Уголовный преступник не может быть воспитателем. Вы избивали ребенка.

- «Избивали»! - вдруг взвизгнул Мухобой. Истерично, по-бабьи. - Дурак! А как с ней управляться, с этой сворой? Ты пробовал?! - Он раскорячился, кожа на лице обмякла.

«Псих», - понял Валентин. Сказал брезгливо:

- Сам ты «свора». Кто таких гадов подпускает к детям?

– А ты... ты хоть знаешь, какие они... «дети»! Нынешние! Их только так и можно! В руках держать! Они же... каждый второй... Ты статистику читаешь?! Творческая личность, туда тебя...

– Давай, расскажи мне о детской проституции и наркомании, – уже почти спокойно отозвался Валентин. – О росте преступности и нравственной ущербности малолетних. А кто виноват? Не такая ли мразь и садисты, как ты?

– Нет! – снова взвизгнул Мухобой. – Такие, как ты! Рисовальщик, а слепой! Думаешь, они такие, как на твоих картинках? Рисуешь большеглазых голубых мальчиков... Потому что сам голубой!

Валентин понял не сразу. Потом ожгло. Глазом прикинул расстояние – метра четыре. Мухобой вмиг среагировал – скакнул в позицию. Ребрами затвердевших ладоней стригуще махнул перед собой. Знакомо так. «Э, да ты «южанин»! Доброволец славных батальонов захвата! Ладно, это тебе не с бородатыми дехканами...» Валентин шагнул. Увидел встречный взмах, рванулся в сторону, ощущая, как под напором стремительного тела мнутя, сжимаются силовые линии пространства. Он знал, что сейчас перед Мухобоем на миг возникнет черный, обморочный провал вакуума. А потом...

Потом он без всяких приемов, наотмашь врезал оторопевшему Мухобую по сопатке – так, что красные ошметки из ноздрей! Мухобой затылком разбил зеркало шкафа, съехал вперед ногами на пластиковый пол и... Такого Валентин вовсе не ждал! Мухобой крутнулся набок и, разрывая брючный карман, выхватил тупорылый револьвер.

– Брось, идиот!

Мигнул у ствола желтый огонек. Выстрел слился с новым ударом грозы. Валентин опять рывком в сторону смял пространство, пропустил пулю над плечом, в дверь. «Не зацепила бы кого...» Теперь носком башмака по вытянутой руке. По кисти, чтобы рука назад, а револьвер по дуге – вверх и вперед... Так!

Валентин поймал револьвер в воздухе, как взлетевшего голубя. Размахнулся ногой опять. Увидел кривую маску Мухобоя, окровавленный рот, задержал удар... Поставил предохранитель, затолкал оружие теплым стволом за пояс и

вышел из домика.

Сверкало и гремело очень часто, ветер прижимал траву, но дождя еще не было...

2

Незадолго до этого случая Валентин проводил директоршу «Аистенка» до автобуса и не спеша возвращался в лагерь.

От шоссе к лагерю вела проселочная дорога. Вдоль нее по колено в мелком березняке стояли столбы электролинии. Над проводами на фоне сиреновой тучи летел «пришелец». На сей раз это был дымно-оранжевый мохнатый шар величиной с большой арбуз.

У верхушки столба шар присел на провод, выпустил снизу два отростка, поболтал ими, как ножками. Из пустоты возник другой шар – поменьше, мутно-желтый. Пристроился к первому, и похоже, что они пошептались. Потом желтый вытянулся в стрелу и бесшумно ушел в тучу. А оранжевый тяжело упал в кусты, в них зашуршало, будто убежал заяц.

Валентин понаблюдал за шарами с интересом, но без удивления. Такие фокусы в здешних местах уже давно не казались диковинкой. Было бы гораздо большим чудом баночное пиво в торговых автоматах у автобусной остановки. Или хотя бы разливное, черт возьми! Но на такое аномальное явление не были способны ни торговая сеть, ни иноземные цивилизации. А ведь Валентин вопреки всякой логике надеялся. Потому-то (а вовсе не из рыцарских побуждений) отправился провожать директоршу, бывшую свою одноклассницу Марину.

Помахав укатившему автобусу, Валентин сумрачно обозрел пустые автоматы и теперь возвращался в некоторой меланхолии. У решетчатой арки с вывеской он ядовито подумал об идиотах, давших лагерю такое название. Сроду не водилось в этих местах никаких аистов... Вернее, был один – слегка погнутый жестяной аистенок торчал над аркой высоко и сиротливо. Сейчас он почти сливался с грозовым небом, хотя на самом деле был выкрашен яркой синькой. Возможно, он символизировал синюю птицу счастья, ибо до недавнего времени было известно

каждому, что дети Восточной Федерации – самые счастливые в мире.

Вечерняя гроза плотно обложила окрестности и теперь наваливалась на лагерь. Пока еще без всякого проблеска и звука. Лагерь притих и казался пустым, даже дежурного у ворот не было. Лишь разнузданно и злорадно звенели в душной глухоте осатаневшие комары. Валентин отмахивался от этих крупных (наверно, тоже аномальных) кровососов туристской курткой. Махать было неудобно – во внутреннем кармане куртки тяжело болталась медная складная труба: Валентин теперь не решался оставлять ее и всюду таскал с собой...

К «взрослому» поселку, где стояли домики для сотрудников лагеря и гостей, вели два пути. Один – по песчаной аллее, мимо бассейна-лягушатника, спортивных площадок и павильона с игровыми автоматами (обычно закрытого). Второй – по тропинке мимо кухни и потом через пустыри. Он был короче, но тропинка петляла среди груд кирпичного щебня, всяких буераков и зарослей-колючек.

Валентин шагнул было на аллею. Но тут же он заметил, что шагах в двадцати, на качелях у края площадки, одиноко сидит съезженная личность по кличке Сопливик.

Это был пацаненок лет десяти, никем не любимый и отовсюду прогоняемый. Вечно насупленный, немый, с липкими косичками нестриженных грязно-угольных волос и с болячками на коленках и подбородке, которые он любил расковыривать. И с постоянной сыростью под носом. Эту сырость Сопливик убирал манжетами длинных рукавов рубашки, отчего они навсегда приобрели клеенчатую плотность и блеск. Сама же рубашка (всегда одна и та же) давно потеряла свою первоначальную расцветку и напоминала пыльный затоптанный лопух. Сопливик почему-то обязательно глухо застегивал ее у ворота, но на животе пуговиц не было, и отвислый подол свободно болтался вокруг тощих, комарами изжаленных бедер.

Но, наверно, Сопливика не любили не только за неумытость, а еще и за повадки. Он всегда был боязливо ошетиненным, имел привычку тихо возникать где не надо и незаметно подсаживаться к разным компаниям. Заняты люди разговором или игрой, оглянулись – нате вам! Сопливик пристроился в трех шагах, колупает коросту и слушает, приоткрыв замусоленный рот. Нет, он никогда ни на кого не

ябедничал, никому не мешал, но все равно даже самые младшие мальчишки и девчонки кричали:

- Чего приперся опять, Сопливик! Вытри нос и чеши отсюда!

Однажды у костра Валентин, желая справедливости для всех, придвинул Сопливика к себе, провел по его макушке ладонью. Тот сперва опасливо затвердел, потом притиснулся к Валентину, взялся за его куртку и просидел так весь вечер. От него пахло кухонными отходами и болотной травой.

Потом, при встречах, Сопливик смотрел на Валентина с выжидательной полуулыбкой. Иногда он попадался на пути нарочно. И Валентин, преодолев невольное раздражение, улыбался Сопливику и опять гладил ему макушку. Но, если была возможность, старался лишний раз не встречаться. Конечно, это было нехорошо: разве ребенок виноват? И Валентин убеждал себя, что дело не в безгливости, а в той вине, которую он ощущает перед этим интернатским заморышем. Чем он мог помочь Сопливику, как спасти от неприкаянности?..

Сопливик издали углядел Валентина и выжидательно привстал на доске качелей. Но Валентин сделал вид, что не заметил мальчишку. И с наигранной рассеянностью свернул вправо, на тропинку. А себе сказал в оправдание: «До нежностей ли тут! Успеть бы до ливня под крышу...»

Тропинка петляла среди поросших лопухами бугров и кочек, в бурьяне и белоцвете. Кое-где валялись в сорняках побитые гипсовые барабанщики и горнисты. Марина говорила, что весной они были объявлены «атрибутами устаревшей казенной символики» и начальство велело убрать их с постаментов. Было грустно и страшновато видеть закаменевших ребятишек – опрокинутых, но с непоколебимым упорством продолжавших держать на изготовку барабанные палочки и прижимать к губам треснувшие гипсовые фанфары. Некоторые статуи лежали навзничь и пыльно-белыми лицами смотрели в небо. Это напоминало Саид-Хар, и потому Валентин не любил ходить здесь... Утешало одно: самого маленького и «пуще всех похожего на правдашнего» горниста ребята то и дело уволакивали со свалки и ставили на прежний постамент перед лагерным «штабом». При этом называли его Данькой и Данилкой, украшали венками из ромашек и матросским воротником из бумаги... Начальство делало вид, что недоволено, а на самом деле смотрело на игру с Данькой сквозь пальцы. И даже

на то, что «секретная операция» проводится среди бела дня, в тихий час. Возвращенный в ребячий мир и обласканный, Данька стоял на своем прежнем посту для отбоя. А в сумерках добродушный и успевший уже «клюкнуть» сторож Сергеич, вздыхая, волок беднягу обратно в лопухи...

Кстати, трубу Данька держал не у губ, а уперев раструбом в бедро. Голова у него была повернута по-живому, а гипсовые губы улыбались. Теперь с этой улыбкой он и глянул на Валентина сквозь бурьянные стебли. Острая коленка у Даньки была забинтована капроновой девчоночьей лентой.

«Заботятся, – подумал Валентин. – Скоро небось опять притащат и поставят. В честь конца смены». Смена заканчивалась через четыре дня...

Тропинка уходила в могучие, выше головы, репейные заросли. Из-за них слышались хлесткие, как выстрелы пистонного пистолета, хлопки. Валентин храбро нырнул в пыльные, с паутиной джунгли, с ходу преодолел их и оказался на лужайке с покосившейся дощатой будкой. К будке был прибит вертикальный шест, на нем повис флаг из мешковины. А под флагом, выстроившись неровной шеренгой, пританцовывали и лупили себя ладонями по ногам, по плечам, по шее и щекам четверо мальчишек.

Валентин знал их всех. Старший, лет тринадцати, был Шамиль Хакимов – молчаливый, всегда будто сердитый. Белобрысый он и светлоглазый, но с «восточными» нотками в голосе и порывистыми движениями джигита. Двое других, чуть поменьше, – Ромка Травников по прозвищу Кудрявость Номер Один и рыхлый простодушный Саня Крендель. А среди них – малыш лет семи Гошка Петушков. (Гошка Понарошку звали его за привычку спрашивать про разные вещи и дела: «Это понарошку или по правде?») Гошка не обижался, он был добрый и веселый.)

Увидев Валентина, все четверо подхватили из травы метлы на длинных черенках, вскинули их на плечи, как алебарды, и встали навтыжку. Но сразу же опять расслабились, вновь запританцовывали. Крендель сказал запоздало:

– Не бойсь, парни, это Валентин Валерьич...

– Вы чего тут? – удивился Валентин.

Кудрявость Номер Один, изогнувшись, ухлопал полдюжины кровососов на ноге, потом столько же на шее. И объяснил:

- Как чего... Видите, флаг караулим.

- Игра, что ли, такая?

- Ага, игра! - бросил Шамиль. - Доигрались, вот Мухобой и поставил... - И огрел себя ладонью сразу по двум плечам. Он один из всех был в длинных штанах, зато майка без рукавов. Остальные-то хоть в рубашках. На Гошке Понарошку клетчато-зеленая рубашка была просторная, с обшлагами ниже пальцев и подолом до колен. Валентин сообразил, что это Шамиль отдал малышу свою. Гошка подскочил, оглянулся и присел на корточки, укрыв подолом ноги до пяток...

- Мухобой? Это у него что, метод воспитания такой, что ли? - сообразил наконец Валентин.

- Ну да... - выдавил сквозь зубы Крендель (хлоп-хлоп себя по ушам). - Если кто виноват, он сюда...

- «Караул у флага, стоять смирно!» - объяснил Кудрявость и прибил злодея на стриженной под машинку макушке.

«Гад какой!» - подумал Валентин о Мухобое. И сказал:

- Вас же эти звери летучие совсем сожрут! - Он огрел себя по щеке.

- На то и расчет, - резко отозвался Шамиль. - Чтобы знали в другой раз...

- Что знали? За что он вас так?

- А потому что на поляну ходили! - звонко сказал Гошка. И замахал руками над головой.

- На ту самую, что ли?

- Ну... - буркнул Шамиль.

Про поляну, где опускаются громадные сверкающие шары, шептались постоянно. Если верить всем рассказам, то видел их каждый второй. И пришельцев, которые выходят из шаров и бродят по окрестностям, видели. Они – трехметровые, с головами, похожими на ведра, выпуклыми стеклянными глазами и яркими фонарями на груди. Кто попадал в луч такого фонаря, обмирал и потом ничего не помнил.

Говорили и о том, что пришельцы иногда в сумерках заходят в лагерь, качаются на качелях и шарят на кухне. Наверно, хотят пополнить свои продуктовые припасы. А однажды двое зашли в сторожку к Сергеичу и знаками выпросили пачку махорки. Сам Сергеич не подтверждал, но и не отрицал этого случая, только многозначительно усмехнулся. Впрочем, после заката Сергеичу, уже принявшему «вечернюю дозу», вполне могли привидеться какие угодно пришельцы.

Рассказывали еще и такое, будто Алене Матюхиной и ее сестренке Насте два инопланетянина повстречались днем, на пустыре, где свалка скульптур. Только это были не великаны, а безносые карлики в ярко-зеленых скафандрах и прозрачных шлемах. Алена и Настюшка почему-то ничуть не испугались, а пришельцы показали им большую книгу с непонятными звездными картами и разноцветными буквами, которые шевелились и звенели...

Конечно, это был обычный «детсколагерный» фольклор. Когда Валентин в школьные годы попал однажды в такой же лагерь, там рассказывали про привидения, мертвецов и «черные ножницы в желтом чемоданчике». А сейчас – вот, на уровне современности. И немудрено, раз в газетах то и дело сообщения о полетах и посадках всяких этих непонятных штук. А здесь, вокруг лагеря, к тому же и в самом деле всякие аномалии. Разные светящиеся шары то и дело шастают над окрестностями и почти каждую ночь висят в небе, распуская огненные хвосты. В телевизорах – всякие помехи, и часто возникают на экранах непонятные фигуры. А стрелки компасов беспомощно и вразнобой тычутся во все стороны.

Разговоров и слухов было множество, и Валентин однажды с несколькими мальчишками ходил даже на поиски «посадочной площадки». Но ничего не нашли.

Начальство такие экспедиции запрещало, а слухи старалось пресекать. Марина жаловалась: «Такое место проклятое...»

И в самом деле, хватило же ума у профсоюзных деятелей поставить лагерь среди редких перелесков, на краю болотной пустоши! Когда-то здесь был испытательный полигон военной части. Что там они испытывали и какую технику оставили в глубине болот, никто не знал. Может, все эти огненные и летучие штучки и фокусы – последствия секретных опытов?..

– Значит, вы площадку искали, а Мухобой вас застукал? – сочувственно спросил Валентин.

– Мы ее не искали, – сердито отозвался Шамиль. – Зачем искать, если знаешь? Дорога прямая...

– Мы ее лучше всех чуем, особенно вот он. – Кудрявость Номер Один кивнул на Гошку. – Поэтому нас пятерых ребята и выбрали.

– Пятый-то кто?

– А Илюшка! – звонко отозвался Гошка. – Только его Мухобой почему-то не поставил с нами.

– Наверно, потому, что он сам про всех про нас проболтался Мухобой, – обиженно пробубнил Крендель, продолжая хлопать себя по всем местам.

– Илюшка-то?! – изумился Гошка. – Ты это понарошку или по правде?

А Шамиль сказал не зло, но убежденно:

– Дурак ты, Крендель.

Кудрявость опасливо предположил:

– Наверно, он Илюшку-то это... отдельно...

- Что отдельно?

- Воспитывает, - серьезно вздохнул Гошка.

Ребята уже не стояли шеренгой, а, побросав метлы, пританцовывали вокруг Валентина.

- Ладно, шпарьте по дачам. А Мухобоя... я ему скажу.

- Не... - отозвался Крендель. - Тогда еще хуже будет.

- Ничего не будет! Я с ним поговорю!

- Вы ведь не начальник, а гость, - рассудительно заметил Гошка.

А Шамиль сумрачно предложил:

- Вы лучше сходите к нему и попросите, чтобы он нас отпустил... Я-то и так бы ушел, я его не боюсь. Но он на других потом отыграется...

- Но сейчас же дождь будет!

- А мы тогда в будку! - Кудрявость Номер Один нетерпеливо подпрыгнул. - Скорей бы! Под дождем никто за нами следить не будет. И комары пропадут...

- А сейчас-то кто за вами следит?!

- У Мухобоя везде глаза, - хмуро сказал Шамиль.

Валентин достал из кармана куртки трубу, сунул в брючный карман. Ветровку накинул на Шамиля.

- Ждите, я скоро...

Мухобой был заместителем Марины. По воспитательной части. Вообще-то воспитанием должны были заниматься отрядные инструкторы, но это все – девчонки с младших курсов педагогического лицея. Даже малыши их не очень слушались, а старшие вообще в грош не ставили. А Леонтий Климович Фокин, по прозвищу Мухобой, был опорой режима и дисциплины.

Прозвище он получил за беспощадную борьбу с «разносчиками кишечной инфекции». По лагерю Леонтий Климович всегда ходил с тяжелой сапожной подошвой, прибитой к длинной рукоятке. Этой хлопалкой он и припечатывал к стенке любую замеченную муху. Каждый удачный удар доставлял ему видимое удовольствие. Воспитатель не то чтобы улыбался, но как-то светлел лицом и с подчеркнутой аккуратностью вытирал подошву белым платочком...

Леонтий Климович никогда не повышал голоса, он был интеллигентный. Всегда в белоснежной сорочке, сухой, гибкий, с тонкой чертой безгубого рта. Узкое лицо кожа обтягивала так, что казалось, кости черепа могут проткнуть ее изнутри. Косой лоб покато переходил в линию носа, а под бровями дрожали полупрозрачные птичьи веки... Боялись Мухобоя все. И крепко боялись. Валентин однажды сказал Марине:

– Да что это такое? Они съеживаются при нем! Лупит он их, что ли?

Рыхлая добродушная Марина всполошилась:

– Что ты! Он мне сто раз говорил: «Клянусь, Марина Юрьевна, я никого из детей никогда пальцем не тронул!..» А что строгий, так без этого разве можно? С такой-то оравой...

Не столь уж велика была «орава» – по сравнению с другими лагерями. Сотни полторы ребятишек жило в «Аистенке». Правда, больше половины интернатские, а они «сам, Валечка, знаешь какие...».

Валентин сердито усмехнулся:

– Вечно вы, педагогические дамы, себе сложности из пальца высасываете. Обращались бы с пацанами по-человечески, а то «не смей», «нельзя», «распорядок»...

– Ох, Рыжик, да какая же я педагогическая дама? Девять месяцев на заводе, в профсоюзе, и только на лето начальница лагеря...

Десять дней назад Валентин встретил Марину в очереди за исландскими бананами, которые продавали на углу Конногвардейской и Новорыночной.

– Рыжик! – обрадовалась она. – Воынов, Валька!

– Манишкина! Вай, какая ты стала... представительная!

До той встречи они не виделись лет семь. В прошлый раз Марина была еще стройна и моложава. В классе она вообще ходила королевой. Звали ее Марина Мнишек – за соответствующую внешность. А теперь располневшая тетка.

– Жизнь-то идет. Не к молодости, – не обиделась Марина. – А ты, Рыжик, все такой же... Только кудри не такие бронзовые. Малость полиняли...

– Полиняешь тут...

– А у тебя-то чем не жизнь? Знаменитость! У моих девчонок все книжки с твоими картинками есть!

Чтобы увести разговор от «знаменитостей», он спросил:

– Двое у тебя? Или еще прибавилось?

– Куда еще-то! С этими не знаешь как... Муж вечно в разъездах... А ты? Обзавелся семейством?

– Н-не совсем, – промямлил он. – Все как-то... так...

Она обрадовалась:

– Значит, ты свободный человек?!

– В каком смысле? – слегка испугался он.

– В таком, что не связан женой-детьми, дома тебя никто не держит! А?

– Работа держит, – уклончиво сказал он.

– Ну, что работа! Она всю жизнь... Слушай, Рыжик, приезжай к нам в лагерь, а? Перед ребятами выступишь, как раз про свою работу расскажешь, про книжки и мультфильмы!.. Приезжай! Хоть на денек! Знаешь, как ребяташки запляшут от радости! Сам художник Воынов приехал!

– Сроду они о таком не слыхали...

– Да ты что! «Сказку про желтую акулу» все смотрели! А на афише-то крупными буквами, кто главный художник!

...Он согласился тогда удивительно быстро. Наверно, потому, что сам искал перемен в обстановке.

В лагере и правда было хорошо. Валентин рассказывал ребятам, как делает иллюстрации к сказкам и приключенческим книжкам, как придумывает героев для мультфильмов. Рисовал на память мальчишкам и девчонкам их портреты – стремительными карандашными штрихами. (Выстраивалась очередь, и зрители восторженно вопили: «Ой, Васька, ты здесь похуже, чем на самом деле!») Он расписал под сказочное звездное небо потолок в круглой беседке, а потом загрунтовал большой фанерный щит (на котором Верный Продолжатель призывал отдать на что-то там все силы) и лихо изобразил на нем разноцветных героев сказки «Планета десяти чудес»...

Кроме того, Валентин, увлекшись от души, организовал в младшей группе рыцарский турнир – с разрисованными щитами, картонными латами и копьями из тугих бумажных трубок...

Под конец недели он, правда, малость выдохся и засобирался домой. Но Марина уговорила остаться до конца смены.

– Знаешь, Рыжик, с тобой... ну, спокойнее как-то...

Мухобой в забавы художника Волынова с ребятами не вмешивался. Словно подчеркивал, что доверяет. И на вечерних посиделках в домике Марины, где собирались меланхоличный музыкант Кирилл, девицы-инструкторши и прочее взрослое население «Аистенка», он вел себя дружелюбно, хотя и сдержанно...

Короче говоря, по ребячьим делам художник Волынов и воспитатель Фокин до сих пор не сталкивались. И теперь Валентин шел к Мухобой с предчувствием неизбежного и злого разговора, с тяжелой неловкостью гостя, который вынужден устроить скандал в доме хозяина. Тем более, что Мухобой был нынче действительно главный хозяин в «Аистенке». Марину профсоюзное начальство зачем-то срочно вызвало в город...

А может, скрутить себя и попробовать по-хорошему? «Слушай, Климыч, отпусти ты мальчишек-то, их комары и так уже пообглодали. Да и гроза скоро...»

Размышляя об этом, Валентин спешно шагнул напрямик через частый березняк, отделявший лагерные дачки от «взрослого» поселка. Здесь было совсем сумрачно, и в этой полумгле Валентин впереди себя заметил среди веток шевеление. Кто-то небольшой, осторожный, словно не шел, а крался к домикам.

Сначала Валентин решил – Сопливик. Есть у него такая привычка. Но тут же заметил светлую круглую макушку и красную с белым воротником футболку.

Илюшка Митников! А с чего это он здесь?

Что-то неприятно царапнуло душу. Какой-то намек на подозрение. Валентин придержал шаги. Тихо пошел следом. И скоро следом за Илюшкой вышел из рожицы. Здесь, у опушки, росла кривая толстая береза с крутым изгибом ствола на уровне Валентиновых плеч. Он остановился за стволом. Илюшка шел уже по открытому месту, по клеверу и ромашкам. Видимо, к домику Мухобоя, где светилось широкое, без шторок окно. Шел неуверенно, с оглядками, словно это не Илюшка, а кто-то боязливый, чего-то стыдящийся и виноватый.

«Может, и правда он стукач у Мухобоя?» – тоскливо подумал Валентин. И тут же все возмутилось в нем голосом Гошки: «Илюшка-то?! Ты это понарошку или по правде?!»

4

Илюшка Митников был того же возраста, что и Сопливик. Но только этим они и походили друг на друга. Илюшку в «Аистенке» любили. Принимали во всякую компанию – и к младшим, и к старшим. Причем старшие не сюсюкали с ним, как с маленьким любимцем, а держались на равных.

Илюшка был смелый и ловкий – на лагерной спартакиаде бегал и прыгал быстрее и дальше всех своих сверстников.

Он был щедрый: что ни попросят – все готов подарить.

Он был славный – каждому хотелось улыбнуться ему в ответ. Казалось, в уголках светло-карих Илюшкиных глаз прячутся и порой весело выскакивают ласковые лучики. Илюшка жил в состоянии ровного нешумного веселья и спокойного счастья. И эту радость жизни он излучал на всех, кто рядом...

Но сейчас он шел к домику Мухобоя будто побитый. Лица его Валентин, конечно, не видел, но чувствовал: что-то не так... Потом он вспомнил про трубу, выдернул ее из кармана, раздвинул. Чтобы не тряслась, положил на сгиб березового ствола. Пригнулся, приблизил глаз к окуляру. Поискал объективом Илюшку. Но сперва попало в поле зрения окно Мухобоя.

От домика до березы было с полсотни метров. Труба – двенадцатикратная. И окно оказалось будто в пяти шагах, даже не влезло целиком в круг объектива. В комнате светил матовый плафон. Мухобой был дома. Он развлекался. Стоял боком к окну, перед зеркалом платяного шкафа, и ловко, по-жонглерски крутил в пальцах, подбрасывал и ловил свою любимую хлопалку.

Что-то услышав, Мухобой обернулся, бросил хлопалку на кровать. Шагнул к двери. Валентин шевельнул трубой. Илюшка с головой ниже плеч топтался у

входа снаружи. Дверь открылась. Он постоял секунды две и шагнул.

Теперь Валентин видел Илюшку и Мухобоя опять через окно. Совсем близко. Мухобой сложил руки на груди и что-то сказал. Илюшка присел, суетливо расстегнул сандалии, оставил их у порога. Мухобой посторонился, Илюшка в носочках вышел на середину комнаты, под яркий свет. И встал съезженно, сдвинул коленки, дергал и мял края белых лавсановых шортиков с пришитой на боку аппликацией – головой индейского вождя. Валентину четко была видна эта тряпичная картинка: разноцветные перья индейского убора и бесстрастное коричневое лицо. Таким же бесстрастным, тонкогубым было лицо Мухобоя. Он придвинул Илюшке тяжелый деревянный табурет. Илюшка сел, стиснул себе локти растопыренными пальцами. Голову так и не поднял.

В руках у Мухобоя появились ножницы. «Что он, стричь мальчишку собирается, что ли?» – с неприятным ожиданием подумал Валентин. Волосы у Илюшки были длинные, закрывали уши, но стрижка аккуратная, ножниц не просила... А Мухобой теперь зачем-то разматывал длинный бинт. Отрезал две метровые марлевые ленты, бросил ножницы на кровать и шагнул к Илюшке. Присел на корточки у табурета. Нижний край окна и спина Мухобоя мешали видеть, что он там делает. Но ощущение чего-то нехорошего шевельнулось у Валентина, как холодная змейка за пазухой.

Мухобой встал. Придвинул к Илюшке пластиковый столик, сказал что-то. Илюшка медленно вытянул руки, положил их на столик вверх ладонями. Мухобой опять что-то произнес. Илюшка (все так же, с поникшей головой) дергаными движениями закатал выше локтей рукава футболки и вытянул руки опять. Мухобой взял с кровати подошву с рукоятью, сделал изящный полуоборот и с размаха, с оттяжкой ударил Илюшку по рукам...

Полсотни метров – это шесть яростных секунд. Потом – дверь. Плечом ее! Еще!

– Ты что делаешь с ребенком, падаль такая!!

Злое колдовство Иеронима Босха

Револьвер оказался незнакомой фирмы «Бергман», калибр девять миллиметров. Ствол короткий, а барабан большой, «пузатый». Таскать такую пушку за поясом не очень-то удобно, зато рукоятка точно по ладони.

Запершись, Валентин рассмотрел трофей как следует. В барабане семь гнезд, в каждом – тупоносый патрон, и лишь в одном гнезде пустая гильза с кислым пороховым запахом. Жаль, что пуля ушла в «молоко» – не найдешь, не докажешь... А впрочем, наплевать. И так все ясно, никуда этот шизик не денется...

Всерьез ведь стрелял бандюга! Не для испуга, а в упор... На что рассчитывал? Уверен, что кто-то защитит от тюрьмы? Или не думал уже, психанул так, что долой тормоза? А может, рецидивист, профессионал, и теперь чешет прочь от лагеря – менять жилье, обличье и паспорт? Ну и черт с ним тогда...

Интересно, что Валентин был вполне спокоен. Конечно, придется сообщать куда надо, давать показания. Зато правильно врезал этому подонку. И главное, защитил мальчишку... Но конечно, лучше не тянуть, позвонить в ближайший пункт охраны порядка, пока Мухобой не смылся далеко. Хорошо, что здесь все под рукой, даже телефон с прямым выходом на город...

Валентин сунул «бергман» под подушку. Снял трубку. Однако сигнала не было, слышался лишь треск и шум помех. Ч-черт! Как всегда, отключили из-за грозы... Валентин глянул в окно. В этот миг наконец грянул отвесный ливень, задымился белой водяной пылью...

«Ну и леший с ним со всем, – устало, без всякого волнения подумал Валентин. – Все равно теперь ничего не сделаешь. А завтра приедет Марина, ей все скажу, пусть заявляет...»

Валентин лег навзничь на широкую, приятно пружинящую кровать. Дал усталости сладко разбежаться по жилам. За день он крепко намотался, натопался, да еще этот случай... Ливень ревел ровно и упруго, словно давал понять, что будет он долгим, неслабеющим. Вспышки за водяной стеной стали бледнее, а треск и раскаты глуше. Пластиковый домик подрагивал и гудел под

струями, как пустая канистра. Под этот гул мысли Валентина побежали рассеянно и лениво.

Без всякой тревоги думал он, как теперь ведет себя Мухобой. Сидит в таком же домике в сотне шагов отсюда и вытирает окровавленную рожу? Мечется, не зная, что делать? Или бежит под ливнем к шоссе, чтобы прыгнуть в автобус?.. Наплевать... Больше беспокоило другое: удалось ли спастись от ливня Илюшке и тем четверым на поляне?

А почему это Мухобой выбрал для расправы именно Илюшку?

И почему Илюшка так покорно, сам, шел к Мухобою?

Откуда вообще в людях это ощущение неизбежности, эта изначальная готовность подчиниться чужой безжалостной воле?

Валентин думал про такое много раз. Впервые – еще в детстве... В ту пору бывало, что, оставшись дома один, он с замиранием вытаскивал из шкафа тяжелый альбом с картинами Иеронима Босха. Этот голландец, живший полтысячи лет назад, рисовал ярко, подробно, на одном полотне он ухитрялся уместить множество сюжетов. Маленький Валька уже тогда был влюблен в мультипликацию, делал на бумажных лентах собственные «мультишки», и ему казалось, что картины Босха – тоже рисованные фильмы, только замершие.

А может, и не замершие! Если долго смотреть, то начинало чудиться, что там есть движение.

Но, кроме пестроты и сказочности, был в этих «фильмах» страх. Тот, который сильнее сознания. Как в снах с кошмарами, когда к тебе тянутся нечеловечьи руки, а ты не можешь убежать. Картины и отталкивали, и притягивали. Валька подолгу разглядывал их со смесью боязни и любопытства. И стеснялся этого любопытства, словно в нем было что-то недозволенное.

На фоне средневековых пейзажей с горящими замками и провалами бездны творили свой суд над людьми страшилища. Жирные громадные рыбы, птицы с человеческими ногами, демоны, карлики в рыцарских латах, гигантские крысы и свиньи и вообще непонятные создания деловито мучили тех, кто попал в ад. Все это происходило среди нагромождения нелепых предметов: громадных

кувшинов со звериными лапами, каких-то конструкций, великанских отрубленных ушей и музыкальных инструментов, прошивающих своими струнами несчастных голых грешников. Словно вертелась чудовищная, из ночных ужасов составленная машина.

И самое жуткое было в том, что люди покорно (чуть ли не охотно!) подчинялись этому кошмару. В их лицах и телах не было ни сопротивления, ни протеста. Они послушно совали головы в пасти и клювы чудовищ, ложились под гигантские зазубренные ножи, покорно страдали в каких-то прозрачных пузырях, давали протыкать себя мечами и стрелами и не упирались, когда самодовольные зверюги и демоны водили их за руку вокруг адски воющей исполинской красной волынки. В общем, люди мучились так же деловито, как хозяева преисподней их мучили. Словно они осознали свою необходимую роль подшипников и шестеренок в механизме массовых страданий...

Тетка наконец заметила Валькин чрезмерный интерес к Босху и спрятала книгу. Но вопрос уже засел в нем: почему люди не сопротивляются, когда еще можно отбиваться, спорить, драться? Что за микроб мученичества расслабляет человека, чтобы тот добровольно отдался палачу?..

Босх в голове у Вальки тогда был смешан с книгой про Уленшпигеля, где тоже много страхов и страданий. Особенно в истории с рыбником-оборотнем, который хватал свои жертвы громадной механической челюстью. Снилось иногда, что рыбник – бледный, длиннорукий, со зловеще-ласковой улыбкой – возникает в углу ночной комнаты и бесцветными глазами неумолимо находит его, Вальку, замершего под одеялом. Рук у рыбника не две, а три. В двух он держит рычаги челюсти (звяк-щелк, звяк-щелк), а третьей, с длинными белыми пальцами, манит Вальку к себе. И он... вместо того, чтобы заорать, позвать тетку, бросить в злодея настольной лампой или выхватить из-под подушки рогатку, которую подарил Сашка, сдвигает одеяло и молча встает. Босой, полуголый, послушный, замороженно движется навстречу стальному щелканью. Обмирает, зная, что сейчас воткнутся в него граненые, длиной с мизинец клыки, но идет, увязая в покорности, как в сладковатой теплой жиже...

Но это же во сне! А на самом деле не было в нем покорности! Тихий был, да и драться не любил. Но и подчиняться не любил, не терпел унижения. Однажды учитель физкультуры хотел заставить его бежать одного пять кругов по спортзалу – за то, что Валька не смог подтянуться на турнике нужное число раз, – так он и тарарам же тогда был! На всю школу!

А дома Валька вообще не знал никаких «воспитательных мер», обычных для мальчишек. Мать умерла, когда было ему четыре года, отец сплавил его на воспитание тетке, а сам «исчез с горизонта». Тетка была суха, деловита, лишний раз не приласкает, но зато и пальцем не трогала. Впрочем, он и повода почти никогда не давал. Спокойный был ребенок, примерный ученик художественной школы. Не знал тогда ни единого, самого простенького приема восточного единоборства. Но впрочем, был уверен, что в случае крайней необходимости постоять за себя сумеет.

«Но ведь не постоял же однажды, в решительный момент, – безжалостно говорил он себе потом. – Дрогнул, поддался...»

И тут же вскидывался на себя: «Да! Но это была не покорность! Был расчет! Пусть я юлил, но все равно сопротивлялся! Как умел...»

А еще он думал, что до недавнего времени вся страна была как «Ад» Иеронима Босха, где чудовища пожирали, перемалывали и сжигали беспомощных людей. Но у этой беспомощности было множество причин, дело не во врожденной покорности. Она вколачивалась пулями и страхом... А может быть, сейчас, у нынешних мальчишек, она стала уже наследственной?

Ну почему эти четверо боязливо топтались под мешочным флагом и не смели возмутиться? Что сделал бы им Мухобой, если бы они подняли крик, рассказали бы о его издевательствах?

А Илюшка! Сам пришел, дал привязать, закатал рукава... Смелый, веселый Илюшка Митников, а не какой-нибудь там затюканный Сопливик...

...Крепко застучали в дверь. Стук ворвался в громкий, но уже монотонный гул дождя, в мысли Валентина.

Мухобой? Неужели, кретин такой, пришел выяснять отношения?.. Не исключено. Может, решил вернуть оружие...

Валентин вскочил. Дернул на двери задвижку и прыгнул в сторону, прижался к стене.

Через порог шагнул Сопливик. С него текло.

- Вот те на! - сказал Валентин. И подумал: «Легок на помине».

Сопливик проговорил, вздрагивая:

- Вы там трубу оставили. Я принес... Вот...

2

В самом деле! Как он мог забыть о трубе? Тогда, кинувшись к домику, он уронил ее у березы и больше не вспомнил. Да, значит, в нервах все-таки сбой... Ведь совсем недавно из-за этой же трубы, когда ее стащили с подоконника, он прямо извелся. Чуть не плакал перед Мариной:

- Это же реликвия! Ей больше ста лет! Она от прадеда моего, адмирала Волынова, осталась! Я с этой вещью с детства не расставался!..

Марина, а следом за ней девицы-инструкторши подняли во всех группах большой шум, грозили, уговаривали. Никто, конечно, не признался, но на следующее утро труба опять оказалась на подоконнике. Ужасно жаль только, что на объективе уже не было медного венчика с узором из листьев и мелкими буквами на внутренней стороне: «Адмиралъ М.П. Волыновъ». Видно, свинтили на память, паразиты. Они ведь всякие, нынешние детки-то...

Но все это лишь мелькнуло в голове у Валентина, пока он быстро двигался: запер дверь, бросил на постель трубу, ухватил Сопливика за локти и вынес на середину комнаты, под яркий плафон.

- Ты же дрожишь, чучело! Весь пропитался, даже в желудке дождь булькает!

- Не-а... Это не дождь, - отозвался Сопливик.

Валентин метнулся в душевую кабину. Все-таки чудесная штука эти дачные домики швейцарской фирмы! Не поскупился профсоюз! Тут и телефон, и кондиционер, и душ с маленькой квадратной ванной, и комбайн для стирки, сушки и глаженья белья! Живи и радуйся... Валентин покрутил краны, пустил очень теплую упругую воду. Душ загудел, как эхо ливня.

Валентин вернулся к Сопливику – тот растерянно стоял посреди натекшей с него лужи.

– Ну-ка, скидывай все...

– Да не... – Сопливик съежился то ли от смущения, то ли от зябкой судороги.

– Чудо ты непутевое... – Валентин присел, сдернул с него раскисшие сандалии-плетенки, стянул и шлепнул на линолеум одежонку. Сопливик не противился, только попискивал, как мышонок. Голый и несчастный, он оказался в серых подтеках, будто выбрался из болота. Валентин ухватил его за ребристые бока, вдвинул в кабинку под тугие струи. Сопливик взвизгнул, затрепыхался.

– Что? Горячо?

– Ага! Ай...

– Так надо, чтобы простуда не прилипла. Сейчас притерпишься.

– Ой... Ага...

– Что «ага»?

– Это... притерпливаюсь. Хорошо...

Он заулыбался. И, не стесняясь уже, затанцевал под теплым, совсем не похожим на уличный ливень дождем. Вскинул над собой руки. Глаза его блестели сквозь искрящуюся сетку струй. А по телу бежали мутные ручейки.

– До чего же ты перемазанный! – не сдержался Валентин. – Ни разу тут в баню не ходил, что ли?

Сопливик перестал танцевать и улыбаться. Съеженно обнял себя за плечи. Валентин разобрал за шумом воды:

- А там не помоешься...

- Почему?

- Потому что не дают... Пристают по-всякому и дразнятся. «Иди, – говорят, – все равно тебе не отмыться»...

- Свинство какое!

- Ага... Или одежду спрячут, и ходи как хочешь...

- Ох ты, мученик... Мыло на полочке, мочалка на крючке, отскребайся. А я стиркой займусь.

Прачечный комбайн был рядом с душевой. Отличная машина, сплошная автоматика. Система включилась, когда Валентин поднял крышку бака. На экранчике зажглось: «Не забудьте вынуть все из карманов загружаемой в емкость одежды». Сервис!

В нагрудном кармане липкой и тяжелой рубашонки лежал значок со смеющимся солнышком и словами: «Пусть всегда буду я!» Без булавки. На трикотажных, похожих на тряпицу, которой мыли пол, шортиках тоже оказался карман. В нем нашелся пластмассовый жетон для игровых автоматов. Такие жетоны выдавались за хорошие поступки и образцовое поведение. Значит, Сопливик или выпросил его, или нашел, или, скорее всего, стащил... Потом под ноготь Валентину попала твердая крошка. Похоже, что кусочек карандашного грифеля. Валентин поднес палец к свету. Под ногтем сидел малюсенький медный стерженек с резьбой.

Винтик! От кольца?

Валентин взял трубу. Там, где недавно было кольцо с узором, на не потускневшей еще меди чернели два отверстия для крепких болтиков. Валентин примерил тот, что нашел. Подходит... Открыл ножик и кончиком отточенного

лезвия, как отверткой, завернул винт-малютку. Тот послушно вошел в резьбу, остался только шпенек – по толщине пропавшего венчика. Вот так. Вот вам и Сопливик... Господи, а что от него ждать?

Валентин поглядел на пластмассовую дверь кабинки. За ней – шум воды и возня. И кажется, довольное хихиканье.

«Ладно, потом разберемся», – сказал себе Валентин. И пошвырял в машину одежду Сопливика. Агрегат плотоядно заурчал. Валентин опять обернулся к дверце.

– Сам отскоблишься или помочь?

– Не... Я сам! – откликнулся Сопливик сквозь журчание и плескание. – Только мыло в глаза...

– Ну, уж потерпи!

– Ага, я терплю...

Минут через десять Валентин извлек Сопливика из влажной жары кабинки – отмытого до скрипучести, чисто-смуглого, с розовыми пятнышками на коленках и подбородке – следами отвалившихся коросточек. Старательно вытер его с головой махровым полотенцем. Сопливик попискивал смущенно и благодарно. Проплешинки от болячек местами кровоточили. Валентин взял из аптечки пузырек с бактерицидкой и вату.

– Ну-ка...

Сопливик запищал сильнее.

– Цыц! – Валентин запятнал его желтой бактерицидкой, шлепнул по незагорелому месту, закутал в простыню и отнес на кровать. Сопливик из белого кокона весело блестел глазами.

Прачечный комбайн зазвонил и выдвинул пластмассовый поднос. На нем сухой стопкой лежала одежонка Сопливика. Отглаженная, пахнущая теплой чистотой.

Майка и трусики оказались ярко-голубыми, шорты – кофейного цвета, а рубашка – салатной, с рисунком из желтых и коричневых листьев.

– Вот и готово. Одевайся... На ужин мы, конечно, опоздали. Сейчас попьем чаю, и я оттащу тебя в спальню.

– Как это... оттащу? – настороженно отозвался Сопливик.

– Заверну в плащ – и в охапку... А то ведь опять вмиг до ниточки пропитаешься...

За пластиковыми стенами продолжал гудеть ливень – ровно и неумолимо.

– Не... я сам добегу, – хмуро сказал Сопливик. – Тут рядом. – Он торопливо застегнул рубашку.

– Как это рядом? Через весь лагерь!..

– А я... в спальню не пойду. Я там давно уже не сплю.

– А где же спишь? – изумился Валентин.

– В гнезде... Ну, ящик такой фанерный, из-под пианино. На пустыре. Я туда натащил травы и мешков. Чтобы не холодно...

– А почему в спальне-то не ночуешь?!

Сопливик уже оделся и сел на кровати – ноги калачиком. Трогал на колене пятнышки. И, не глядя на Валентина, проговорил тихо:

– Да ну их... То прогоняют, а то... липнут...

– Как... липнут?

– Ну... не знаете, что ли? Лезут в постель, как к девчонке... Ласьен и его дружки...

– Гадство какое!

Ласьен (видимо, от слова «лосьон») был смазливый длинный подросток с тонкой улыбочкой и хорошими манерами. Рядом с ним всегда крутились два-три дружка-адъютанта. Марина искренне считала их положительными личностями и активистами.

– Они часто так... к тем, кто поменьше, – еле слышно объяснил Сопливик.

Валентин выкрикнул в сердцах:

– Столько всякой мерзости!.. А вы! Ну почему вы-то, пацаны, молчите? Не спорите, не сопротивляетесь!

Все так же тихо, но с неожиданной упрямой ноткой Сопливик сказал:

– Я сопротивляюсь... Потому и прогоняют...

– Но почему никто не расскажет взрослым?

– Кому? Марине, что ли? Или Мухобою?

– Не Мухобою, а про Мухобоя! Как он вас...

– Боятся, – рассудительно вздохнул Сопливик.

А Валентин опять ощутил раздражение с оттенком брезгливости. И не сдержал досады:

– Я же не про тебя. А почему другие... Вот даже Митников. Тоже... как барашек на мясокомбинате.

Сопливик не обиделся. Наверно, и не учуял раздражения в свой адрес. Сказал, явно заступаясь за Илюшку:

– Митников-то не Мухобоя боится...

– А кого?

– Характеристики. Каждому ведь в конце смены характеристику пишут.

– Ну и... на кой она ему? В десять-то лет! В туалет с ней только...

– Не-е... Вы не знаете. Он ведь тоже интернатский, мы из одной группы...

– Ну и что?

– А недавно его это... в семью взяли. Молодые тетенька и дяденька, усыновить хотят. После лагеря... А он боится, что если они прочитают плохую характеристику, то передумают.

«Вот оно что...» – Валентин ощутил облегчение оттого, что Илюшкина покорность объяснялась так понятно. Ни при чем здесь ни природная трусость, ни мистика Босха.

– Бредятина какая-то, – проворчал он. – Разве детей любят за характеристики?

– Кого как, – с недетской умудренностью откликнулся Сопливик.

«Тебе, бедняге, никакая характеристика не поможет», – подумал Валентин. Глянул на угловатое, некрасивое личико Сопливика – отмытое, с блестящими глазами, но все равно с печатью детдомовской неприкаянности. И сказал виновато:

– Как же тебя не хватились ни разу, когда ты в своем гнезде ночевал?

– Господи, а кому я нужен, – выдохнул Сопливик, и Валентина резанула эта простодушная горечь.

– Вот что, голубчик! Ни в какое гнездо ты не пойдешь! Будешь ночевать у меня. Там, где сидишь. А я – вот здесь... – Валентин дернул от стены запасную койку.

Сопливик не заспорил. Только заметил нерешительно:

– Может, лучше вы здесь, а я на откидушке? Она узкая, а я маленький.

– Нет, поспи хоть раз по-человечески... Послушай, а там, в гнезде твоём, неужели не страшно одному ночью-то?

– Если один, чего бояться? – совсем по-взрослому ответил Сопливик. – Вот когда все кругом пристают и дразнятся, страшно...

Валентин отошел и стал набирать воду в электрочайник.

«Если Мухобой узнает, что я оставил мальчишку у себя, будет у него козырь. Приклеит гад что-нибудь... «ласьеновское», – думал он. И снова его потрянула ненависть к Мухобой.

«Надо завтра сказать Илюшке еще раз, чтобы не боялся...»

3

Когда Валентин проснулся, Сопливик, уже одетый, сидел на кровати и... крутил в пальцах револьвер.

– Осторожно... – негромко выговорил Валентин. – Сиди тихо, не нажми там...

Сопливик глянул без страха и виноватости. С пониманием.

– Он ведь на предохранителе, я знаю...

Валентин мягко поднялся, взял «бергман» у мальчишки.

– Как ты его откопал...

– Я под подушку руку сунул нечаянно...

– Не следует совать руки куда не надо. Даже нечаянно... – сообщил Валентин с назидательностью, но полушутя, потому что чего зря пугать и без того затюканного Соплирика. Натянул брюки, сунул «бергман» за ремень, прикрыл надетой навывпуск рубашкой. Соплирик следил за ним серьезно и молча. Потом сказал:

– Вы не бойтесь, я никому не проболтаюсь... про это.

– Благодарю вас, мой друг. Я знаю, что вы умеете молчать как могила. Но секрета из вчерашнего скандала все равно не получится...

Валентин хорошо выспался и не чувствовал беспокойства из-за случая с Мухобоем. За окнами было сверкающее умытое утро. И даже Соплирик – с торчащими, как рожки, темными волосами, с пухлыми после сна губами – казался симпатичным. Некрасивый, но славный. Поблескивает глазами-угольками и даже улыбается слегка – нерешительной редкозубой улыбкой.

Солнечный зайчик щекотал Валентину угол глаза. Это на подоконнике сверкал под лучом медный край подзорной трубы. Валентин вспомнил про найденный винтик и слегка насупился в душе на Соплирика. «Хотя чего с него взять, с несчастного», – подумал он. И вдруг осенило:

– Слушай, завтракать еще рано. Сделай сейчас для меня одно дело, а?

– Ладно! – Соплирик спустил с кровати ноги.

– Там, где ты нашел трубу, должно валяться медное кольцо с узором. Наверно, оно свинтилось с трубы. Поищи в траве, пожалуйста...

Может быть, если Соплирик и правда стащил и спрятал венчик, он его сейчас принесет – словно и в самом деле нашел в траве. Оба они будут знать, что это не так, и со стороны Соплирика получится молчаливое признание, а со стороны Валентина такое же молчаливое прощение. И для обоих это будет хорошо.

– Ладно, я сейчас, – отозвался Соплирик так бесхитростно, что Валентин засомневался: может, и ни при чем он?

Сопливик босиком скакнул к двери и там оглянулся:

- А если Мухобой меня увидит?

- Сразу тогда бегом ко мне!

- Ладно. А то начнет... как Илюшку...

- Слушай, - мрачней, сказал Валентин. - А как ты думаешь, почему он не поставил Илюшку со всеми у флага, а начал отдельно... воспитывать?

Сопливик тоже насупился:

- Наверно, допрашивать хотел...

- Про что?

- Может, чтобы узнать, кто еще с ними ходил. Или как дорогу найти на поляну...

- Разве это секрет?

- Для кого как... - Сопливик босой пяткой зацарапал пластик пола.

- А ты думаешь... Илюшка сказал бы?

Сопливик быстро поднял и опустил угольные глаза.

- Я как могу знать... про другого-то... Я бы не сказал, хоть он убей. Но мне-то ведь все равно. Меня никто не усынавли... не усыновлял...

- Ну, беги, - вздохнул Валентин. И когда захлопнулась дверь, вдруг подумал: «Боже мой, а я ведь даже не помню, как его зовут по-человечески. Сопливик да Сопливик...»

Он умылся, расчесал бородку, убрал постели. Прошло еще минут пятнадцать, и Сопливик явился. Встрепанный, с прилипшими к мокрым ногам травинкам и без

кольца.

– Нету нигде, всю траву обшарил... А вас тут какой-то дяденька спрашивает.

Дяденька оказался высоким, лысоватым и бледноглазым незнакомцем в очень аккуратном сером костюме. У Валентина неприятно засосало под сердцем.

– Валентин Валерьевич, я прошу прощения, что беспокою... Можно побеседовать? – Незнакомец мельком глянул на Соплирика. Тот смотрел недовольно и выжидательно.

– Ты беги завтракать без меня, – сказал Валентин и вспомнил вдруг: – Женька... Если что, заходи потом.

Соплирик молча взял у порога свои сандалии.

Свирский

1

Чувствуя за поясом неудобный, слишком округлый «бергман», Валентин сел на край кровати. Гостю показал на откидушку. Молча. Несколько секунд оба без симпатии и ожидающе смотрели друг на друга. С нарочитой неторопливостью гость полез во внутренний карман и достал коричневые «корочки».

– Я следователь группы уголовного сектора Абов... Вот... – Он держал удостоверение так, словно ожидал, что Валентин вежливо откажется смотреть. Валентин, однако, дотянулся, взял корочки, изучил фотографию и печать. Отдал. Изобразил полускрытый зевок.

– Ну и чем могу служить... Семен Семенович?

Следователь Абов сказал с деланной ноткой сочувствия:

- Поступило заявление от работника лагеря гражданина Фокина о вашем нападении на него с применением оружия...

Глядя Абову в переносицу, Валентин бесцветно произнес:

- Полагаю, он не только работник лагеря, но и ваш...

Следователь Абов не то чтобы изменился в лице, но как-то внутренне шевельнулся.

- С чего вы взяли?

- Как бы иначе он сумел так быстро просигналить?

- Элементарно, по телефону.

- Отключенному из-за грозы!

- Он позвонил с автомата на шоссе.

- Бегал туда под ливнем? Как спешил, бедняга!

- Он звонил на рассвете, когда дождь кончился!

- И вы сразу примчались!

- Во-первых, не так уж сразу. А во-вторых, речь об оружии все-таки...

- Будто вы не знаете, кто владелец оружия...

Абов смягчился и сказал неофициально:

- Да знаю, конечно, чего там... Иначе бы приехал с опергруппой.

- Имейте в виду, я сдам револьвер только по акту и при свидетелях. С письменным заявлением, как он ко мне попал.

Абов отозвался небрежно, словно думая о другом:

- А черт с ним, с револьвером, оставьте пока себе, если хотите. А потом можете утопить, все равно он нигде не зарегистрирован.

- Что значит «оставьте пока»?

- Ну... пока вы здесь.

- Договаривайте уж, - нервно бросил Валентин.

- Видите ли... - начал Абов, постукивая подошвой.

«Сейчас он повторит: «Видите ли, Валентин Валерьевич...»»

- Видите ли, Валентин Валерьевич... У нас есть к вам просьба.

- У группы уголовного сектора? - осведомился Валентин.

- Ну... да.

Лениво и со слегка наигранной досадой Валентин сказал:

- Не валяйте же дурака... Семен Семенович. Неужели я не отличу сотрудника Ведомства от чиновника уголовного сектора.

В Аболе словно лопнули какие-то ниточки. Он повозился, сел удобнее.

- Ну и ладушки. Тогда сразу к делу. Хорошо?

- А вот не знаю. - Валентин ощутил напряжение и знакомую по старым временам противную зависимость. - Не знаю, хорошо ли. Я давно уже деликатно, но решительно проинформировал вашу службу, что никаких дел с Ведомством

больше иметь не хочу.

- А что так? - вроде бы по-настоящему обиделся и растерялся Абов.

- Те, кому надо, знают, «что», - усмехнулся Валентин.

- Я не знаю... Мне, наоборот, рекомендовали вас как... - Он замялся.

- Как стукача со стажем и опытом? - спросил Валентин, ясным взглядом изучая лицо Абова.

Тот отвел глаза, пальцами забарабанил по колену.

- Право же... Зачем вы так? И себя, и нас...

- А я не себя. Только вас. Ваш ведомственный, извините, примитивизм в подходе к людям. Он, видимо, неискореним, хотя, казалось бы, и работники есть у вас вполне интеллигентные, и опыт колоссальный... Просто феномен какой-то...

- Ну... допустим, - покладисто сказал Абов, хотя и поморщился. - А к вам-то какое это имеет отношение? Тем более, что у нас нет термина «стукач», а есть вполне уважительное «необъявленный сотрудник»...

- И всех «необъявленных» вы меряете одним аршином...

- Я понял: вы чем-то обижены...

- На Ведомство? - сказал Валентин.

Абов повозился опять. Спросил понимающе:

- Тогда... на себя?

- Господи, ну почему я должен перед вами исповедоваться?

– Да ничего вы не должны... Но мне-то что делать? – Абов был огорчен, видимо, по-настоящему. – Что я должен ответить шефу? В отделе мне ни словечка не сказали, что вы...

– Завязал, – подсказал Валентин.

– Ну да, черт возьми! Меня же спросят, почему вернулся несолоно хлебавши. Дело-то намечается серьезное...

«Думает, сейчас заинтересуюсь: что за дело?»

– Сочувствую, – сказал Валентин. – И догадываюсь, что последует дальше: «Раз вы, гражданин Свирский, отказываетесь от контактов, мы, к сожалению, не сможем воспрепятствовать уголовному сектору раскрутить дело с револьвером, как им захочется. А они, сами знаете, не всегда объективны...»

– Да бросьте, – вздохнул Абов. – Несмотря на всю свою, как вы говорите, примитивность, не такие уж мы идиоты... А что, Свирский – это ваш псевдоним?

– Будто вы не знаете!

– Я же недавно в этой группе... И там, честно говоря, такой кавардак в связи с последними событиями...

– Известная доля доверительности – один из методов достижения нужного уровня коммуникабельности с вербуемым субъектом, – усмехнулся Валентин. – Но я-то не новичок...

– Мне сейчас не до «методов», – досадливо отозвался Абов. – Думаю, как быть... Без ножа режете... Ну, хоть коротко объясните, что произошло? Чтобы на меня меньше шишек... И в конце концов, мне это интересно как профессионалу: почему человек уходит от нас?

– Ладно! – резко сказал Валентин. И толкнулся спиной от стены (Абов чуть вздрогнул). – Только выньте и отключите машинку.

– Вы... собственно, что имеете в виду? Пистолет? У меня нет, честное слово...

– Я имею в виду звукозапись, – снисходительно сказал Валентин.

– А, это... – Абов послушно полез за пазуху, достал плоский, как блокнот, диктофон, положил на кровать рядом с Валентином. – Он на «стопе», убедитесь сами.

– Благодарю... – Валентину опять расхотелось говорить. И он произнес почти через силу:

– Главная ваша ошибка, что слишком большой расчет вы делаете на страх. Даже при научной разработке «индекса вербуемости необъявленных агентов» фактору страха вы отводите основную роль: чем больше человек вами напуган, тем скорее он согласится стать... сотрудником...

Абов помигал, но сказал терпеливо:

– Разве это так? Не уверен... И к вам-то, полагаю, это в любом случае не относится...

2

Но это относилось к Валентину. Именно «фактор страха». С боязнью и ощущением казенной зависимости шел он восемь лет назад в муниципальную комиссию воинского резерва, когда его вызвали по телефону. И не зря боялся. В комиссии сказали то, чего он опасался больше всего: Валентин Волинов, как подпоручик запаса, в силу государственной необходимости призывается на строевую службу на три года.

До сих пор тошно вспоминать, как суетливо и чересчур горячо начал он доказывать, что это нелепо и бессмысленно. Как пожимал плечами и с напускнутой независимостью даже хихикал над абсурдностью такого решения. Штатский человек, художник, зачем он нужен армии? Конечно, почетная обязанность, он понимает, но есть же и здравый смысл. Все его военное образование – формальный курс в архитектурном институте, который в течение трех месяцев вели отставные полковники времен Второй мировой... Если бы

сейчас, не дай Бог, война – другое дело. А в мирное время каждый должен быть на своем месте! У него творческие планы, издательские договоры, фильм... В конце концов, семейные условия! На его иждивении парализованная тетя...

Молоденький военный чиновник с погонами инженер-поручика и гладкой уставной прической переключивал на столе бумаги. Потом сказал, оглянувшись на портрет Верного Продолжателя:

– У всех или тетя, или жена, или... еще кто-то. А как быть с пользой отечеству?

Такие были времена. Сейчас Валентин сказал бы этому писарю, что пользу отечеству, которому давно уже никто не грозит, он, Воынов, и зажавшиеся генералы понимают по-разному. А тогда сумел только с жалким апломбом возразить, что художник полезнее для отечества в своей роли творческой личности.

– Отечеству виднее, – с зевком сказал инженер-поручик. – Впрочем, решение насчет вас, кажется, еще не окончательно. С вами хотят побеседовать... там... – Он кивнул на внутреннюю дверь. – Пройдите...

Там, в комнате с голыми стенами, с пустым конторским столом и тремя стульями, сидели двое. С неуловимой одинаковостью лиц, хотя и совершенно не похожие. Один – пожилой, с бульдожистой умной мордой, второй – тощий, ушастый, ровесник Валентина. С клоунским изломом бровей над очками. Характерная физиономия. «С этакой запоминающейся рожей – и работать в такой конторе», – первое, что подумал Валентин.

Его вежливо попросили сесть. Бульдожистый дядька излишне старательно пощупал бедного Валентина Воынова глазами.

– Ну и как вы, Валентин Валерьевич, относитесь к службе в славном оборонительном корпусе Восточной Федерации?

У Валентина нервно подрагивали пальцы, но, несмотря на это, он чувствовал облегчение. Потому что понял уже: игра.

«И не очень умная к тому же...»

Он сказал, подбирая слова:

- Трудно говорить об отношении... когда предлагают разом сменить образ жизни, все поломать...

- Ну а как же с патриотическим долгом! – старательно вскинулся лопухий.

Его пожилой коллега (видимо, начальник) поморщился:

- Ладно тебе... – И сказал Валентину: – Мы не из армии.

- Вижу, – вздохнул Валентин.

- Почему?! – вскинулся опять лопухий.

Валентин помолчал, сколько позволяла ситуация, потом позволил себе улыбнуться чуть снисходительно (хотя внутренняя дрожь не совсем еще улеглась).

- Я мог бы изобразить проницательность, сослаться на интуицию и так далее. Но дело проще: я вас вспомнил. – Он смотрел на лопухого. – Мы оба учились в архитектурном, только я у дизайнеров, а вы на градостроительном факультете, в новом корпусе. А потом, по слухам, вас... пригласили работать в Ведомство.

Бульдожистый обрадовался искренне, как-то по-домашнему:

- Узнал! Я же говорил – узнает! Профессиональная зоркость у человека!

Лопухий натянуто улыбнулся. Валентин сказал:

- Косиков Артур... Отчества, конечно, не знаю.

- Львович... – Артур вдруг заулыбался по-настоящему, снял очки, пощелкал ими по кончику утиного носа. – Мы на втором курсе были вместе в жюри конкурса «Сумасшедшие проекты», даже поспорили малость...

«Идиллия юности...» – горько мелькнуло у Валентина.

Бульдожистый приподнялся с заскрипевшего конторского стула, протянул руку:

– А я Аким Данилович... – Рука была мягкая, теплая. – Давайте, значит, к делу... Вы, Валентин Валерьевич, как относитесь к нашему Ведомству? – Он и Артур неуловимо насторожились, несмотря на улыбки.

– Ну, как... – начал Валентин столь индифферентно, что при желании можно было заподозрить легкую иронию. В допустимой мере. – Видимо, как и положено лояльному гражданину. С пониманием важности вашей миссии и должной мерой почтения...

– Без предубеждения, значит, – уточнил Аким Данилович.

– А чего мне «предубеждаться»? – отозвался Валентин с хорошо рассчитанной мальчишеской беспечностью. – Вы – те, кто знает все и про всех, и вам наверняка известно, что я далек от всякой политической возни. В бесцензурных альманахах не участвую, с иностранными издательствами отношения поддерживаю строго через наших бдительных посредников из Бюро по охране авторства. И даже, победив в Амстердамском конкурсе, за медалью в Голландию не летал. По причине тетушкиной хвори. Здесь медаль вручали, на собрании творческого актива... С активистами из столичной оппозиции тоже не в контакте.

– По причине идейного несогласия с ними? – с интересом уточнил Аким Данилович.

– И по причине образа жизни, – пожал плечами Валентин. – Я же для детских книжек картинки рисую. Это работа достаточно отрешенная от политической остроты...

– Как ни старайся, а совсем от нее не отрешись, от остроты-то, – повздыхал Аким Данилович. И спросил без перехода: – Вы как насчет того, чтобы помочь нам?

То ли от растерянности, то ли от желания кончить все разом, Валентин брякнул хмуро и дерзко:

– Вербуете, что ли?

Артур вздернул клоунские брови и напряжился опять, а добродушный Данилыч пояснил доверительно:

– До зарезу нужен знающий человек. Сами понимаете, искусство – это идеология, наша важнейшая сфера. И нужна объективная информация. Так сказать, с анализом, что там происходит, в творческих мирах. Не выдумки и сплетни дураков стукачей (таких у нас достаточно), не доносы завистников, а реальная и масштабная картина. С обобщениями. Не для каких-то мер или карательных акций, упаси Господи. Просто чтобы ориентироваться в этих процессах. Для профилактики, для помощи хорошим людям, в конце концов... А?

Валентину казалось, что он увязает в чем-то холодно-липком, без надежды на помощь.

– Видите ли... круг моих знакомств очень ограничен. Вы, наверно, думаете, что я кручусь в среде артистов, режиссеров, живописцев, а я...

– Да знаем, знаем, – сказал Аким Данилович. – И все же... Ну а если надо, можно немножко и расширить круг-то. Для пользы дела... Вы же понимаете, Валентин Валерьевич, что никакая страна не может существовать без системы безопасности, и обязанность сознательных людей – помогать нам. Уж простите за громкие слова, но гражданский долг... Артур Львович тут правильно напоминал...

Ненавидя себя, Валентин пробормотал:

– Долг-то долгом, но надо к этому и склонность иметь, способности... Опять же и время требуется, а у меня работа с утра до ночи...

Лопоухий Артур насадил на утиный нос очки и проговорил вроде с сочувствием, однако и с иезуитской вкрадчивостью:

– Времени у художника всегда, конечно, мало... Однако, если им... – Он посмотрел на дверь, за которой стучал на машинке инженер-поручик Ряжский. – Если им не захочется оставить вас в покое, времени может не оказаться вовсе. Для творческого процесса...

«Сволочь», – тоскливо выругался про себя Валентин.

Аким Данилович не спеша поднялся.

– Мы ведь вас, голубчик, не торопим, вы подумайте. А денька через три, с вашего позволения, позвоним...

И Валентин думал. Целый день и целую ночь. И еще день. Ощущение ловушки, безысходности не исчезало, и Валентин безуспешно пытался найти хоть какой-то выход.

Что ему грозит, если откажется? Судьба «недоделанного» подпоручика в каком-нибудь строительном гарнизоне под командой полуспившихся кадровых солдафонов? Гадко, но, в конце концов, это не на всю жизнь. Рисовать художникообразно он сумеет и там. Жены-детей пока, слава Аллаху, нет, а тетку старушки-подружки одну не оставят... А может, еще его и не заберут, может, просто пугают? Едва ли... И могут не просто в казарму загнать, а еще и закрыть перед художником Волыновым издательства, пришить какое-нибудь дело, и доказывать, что ты не жираф во фраке... Но, как ни странно, даже такой поворот не очень пугает, только озноб от злости. Главное – не это. Есть причина, которая любому здравомыслящему человеку показалась бы в такой ситуации самой пустяковой, не второстепенной даже, а «десятистепенной». Вообще не причиной... Было Валентину до боли, до слез жаль расставаться с «Репейником».

...С этой компанией он познакомился случайно. В начале июня. В тот день он с утра прихватил альбом и пустился в «свободный поиск» – делать наброски с играющих в переулках и скверах ребятишек. Это была необходимая, черновая работа иллюстратора. Впрочем, говорить «черновая» неверно. В этом слове есть что-то сумрачное, а она приносила Валентину радость. И веселый азарт охотника, хотя и смешанный со смущением.

Дело в том, что эти вот беглые зарисовки, это наблюдение со стороны за ребячьей жизнью заменяло художнику Волынову непосредственное общение с детьми (которое, казалось бы, так необходимо тому, кто работает над иллюстрациями для детских книжек). Тесных знакомств с мальчишками и девчонками он не заводил, «внедряться» в компании ребят не умел. Стеснялся. Это осталось, видимо, от детства, когда Валя Волынов был «неконтактным» мальчиком из художественной школы и знал только одного друга – Сашку. Конечно, приходилось в ту пору и в футбол гонять, и на озеро бегать, и даже дрался он пару раз (оба раза неудачно). Однако в той шумной жизни он все-таки чувствовал себя гостем. Вот и сейчас – взрослый уже человек, достигший, несмотря на молодость, кое-каких успехов, – он по-прежнему робел, сталкиваясь лицом к лицу с неугомонным ребячьим миром. С его раскованностью, веселостью и неожиданной прямоотой вопросов.

Он до сих пор ощущал себя робким мальчиком, который стоит в стороне и с завистью смотрит на беззаботных и смелых сверстников, занятых увлекательной игрой, а попроситься в компанию не смеет: вдруг не возьмут, да еще и посмеются...

Изредка приглашали его выступать в школы и летние лагеря, но это были «официальные мероприятия», там ни о каких контактах и помыслить было нельзя.

А вот в то июньское утро Валентину повезло впервые в жизни. Он оказался на берегу Васильевского озера, неподалеку от пляжа. Здесь бултыхались в воде несколько шумных пацанят. Валентин едва нацелил карандаш, как на травянистый пологий берег с разгона вылетел большой катамаран с пестрым индейским парусом. Полдюжины загорелых мальчишек соскочили с палубы и начали что-то осматривать, поправлять, подтягивать.

Валентин чутко уловил необычность в их отношениях друг с другом. Не было привычной колючести, этих неизменных (хотя и полушутливых, но с привкусом агрессивности) реплик: «Ну-к, блин, шевелись шибче», «Куда тянешь, козел», «Парни, дайте ему по кумполу, чтоб проснулся»... Если кто-то смеялся, то не над другим, а словно делился этим смехом с остальными. И даже самый маленький – круглолицый пацаненок лет восьми – вел себя среди них как равный...

Они стали снимать парус. Наверно, для ремонта. Валентин подошел и сказал с напускной небрежностью:

- Привет, мореходы. Не возражаете, если я вас малость порисую? Работа такая...

Была среди них и девчонка. Бойкая, лохматая (потом оказалось – Галка по прозвищу Мушкетерша). Она посмотрела на альбом Валентина и отозвалась чуть кокетливо:

- Пожалуйста... Если только позировать не надо...

- Не надо...

Он сел неподалеку на валун, зачиркал карандашом, набрасывая гибкие фигурки юных матросов, растянутый на траве парус и вытасченный на берег катамаран. Но рука работала машинально, а сам он все сильнее прислушивался, все внимательнее приглядывался к необычной команде.

Где-то через полчаса примчалась к берегу моторка. Выскочил на берег рослый дядька со светлыми кудрями и выпуклым животиком под тельняшкой. Поговорил с ребятами, хохотнул над чем-то, подошел к напрягшемуся Валентину. Добродушно и без церемоний спросил:

- Можно глянуть, что нарисовали?

Валентин со вздохом отдал альбом. Дядька в тельняшке взглянул на верхний рисунок, потом полистал. Уже по-иному, внимательно посмотрел на Валентина – очень синими, с солнечными точками глазами.

- О, да вы профессионал...

Валентин неловко развел руками: куда, мол, деваться-то... Собеседник протянул большую ладонь:

- Игорь Тарасов. Адмирал этой пиратской команды.

- Воынов. Валентин...

Пушистые брови Тарасова сошлись и разъехались.

– Простите... Тот самый?

– М-м... в каком смысле?

– Впрочем, что спрашивать. Авторский почерк, как говорится, налицо...

– Черт подери, неужели у меня и правда какая-то известность? – искренне удивился Валентин.

– Рад познакомиться, – решительно заявил Игорь Тарасов. – И в этом знакомстве, кроме удовольствия, есть для меня и кое-какая корысть. Позвольте изложить?

– Валяйте, – улыбнулся Валентин, поддаваясь напористой веселости Тарасова.

Оказалось, что Игорь Тарасов руководит ребячьим клубом «Репейник». Вообще-то он, Игорь, работает в газете «Шаги науки», но газетка маленькая, выходит раз в две недели, работа не бей лежачего, и главное время Тарасов отдает «вот этим обормотам». Занимаются они многими делами. В прошлом году отправлялись в долгие походы на велосипедах, в этом начали осваивать морскую науку. А еще у них есть кинокамера «Квадрат», и они затеяли съемку мультфильма на тему нынешней школьной жизни и существующих в ней порядков. И вот если бы Валентин... «Простите, как отчество?.. Ну и хорошо, что без него...» Вот если бы Валентин заглянул к ним и глазом профессионала глянул на придуманных и нарисованных ребятами персонажей... Раз уж его, Валентина, и «репейчат» свела здесь судьба...

Валентин был благодарен судьбе.

В «Репейнике» он обрел наконец тот ребячий круг, о котором с детства мечтал. Здесь он перестал ощущать дурацкую скованность, которой мучился раньше, когда сталкивался с живыми, не нарисованными ребятами. Мало того. Здесь они были такими, каких он очень хотел встретить в свои ребячьи годы и не встретил: дружные, доверчивые, смелые, не дающие друзей в обиду... Через неделю он стал своим среди своих. С Алькой Замятиным и Сережкой Демидовым (художником от Бога!) он рисовал героев мультфильма «Привет, родная школа!», расписывал с ребятами стены клубной кают-компания, таскал на плечах малышей и пел вместе со всеми под гитару песни юного поэта и

музыканта Бориски Фогеля...

Мультфильм увлек его так, что этим делом он решил заняться всерьез и попросил Сашку сконструировать домашний станок для мультсъемки (как художник, Валентин работал для местной студии и раньше, но в технике съемки ничего не понимал). Он решил попробовать себя в конкурсе мультипликаторов-любителей (и попробовал потом, и победил)...

«Репейнику» жилось нелегко. Дамы из местного нарпросвета терпеть не могли «тарасовскую банду» за независимый нрав, местное начальство старалось выжить ребят из арендованного полуподвала. Игоря то и дело таскали на всякие разборы и комиссии. Но «репейчата» не унывали.

Валентин с чисто мальчишечьей безоглядностью окунулся в ребячью жизнь. Это было время расцвета «Репейника». Какие там люди собрались! Не просто клуб, а спаянная команда. Особенно Алька Замятин, Бориска Фогель, Сережка Демидов по прозвищу Винтик. И Галка Мушкетерша... А всего – двадцать пацанов и девчонок, живущих как одна семья... С Игорем Валентин тоже сошелся довольно коротко, хотя в Тарасове иногда и проскальзывала ревность: очень уж «репейчата» «прилипали» к Валентину. Впрочем, ревность была без обиды. Тем более, что ни на какое командирство Валентин не претендовал. Ему хорошо было быть мальчишкой среди мальчишек...

И теперь все это – псу под хвост? На свалку? За что?

Так в барахтанье бесполезных мыслей провел Валентин больше суток. А вечером вдруг позвонил Артур Косиков. Сказал будто давнему приятелю:

– Слышь, я к тебе заскочу сейчас. Кой-чего уточним...

Пришел и был не похож на вчерашнего официального Артура Львовича. Сразу взял быка за рога:

– Я знаю, ты все в затылке скребешь. Но ты подумай, чужак человек, тебя же не в доносчики зовут. Не просят стучать, если кто где анекдот трепанул или продовольственное снабжение ругает. Да и все равно ты не стал бы это делать... А вот характеристику настроений в кругу поклонников всяческих муз – общую, даже без имен! Или, скажем, составить отзыв на какой-нибудь попавший к нам

изобразительный материал, проанализировать документы! Здесь интеллигентный и независимый ум нужен!.. В конце концов, мужик ты или нет?

- То есть?

- Ну, тяжелое это дело, неприятное, я понимаю, - проникновенно заговорил Артур, глядя на Валентина из-за съехавших очков. - Но оно же необходимое. Государство без Ведомства не может, а Ведомство без информации - ноль. А где ее брать - объективную, честную информацию? Только так... Ну, черная работа, да, но разве по-мужски это - бежать от черной работы? Кто-то должен...

«Психолог...» - с унылой злостью подумал Валентин.

Артур же сказал буднично, словно между прочим:

-хлопот у тебя прибавится лишь самую малость. Зато, с другой стороны... глядишь, зря дергать не станут.

- Ты чего имеешь в виду?

Артур ухмыльнулся:

- Знаешь, сколько «писателей» про тебя сочинения в разные места шлют?

- И вам в том числе?

- Спрашиваешь!.. Знаешь хоть, что тебе клеят?

- Догадываюсь, - сказал он сквозь зубы.

- Может, и не догадываешься. Мистицизм и чуждые идеи в искусстве книжной графики, это само собой. А еще и растление наших славных деток, причем не только идеологическое... Связался, мол, с пацанами из ребячьего клуба, ошивается там каждый день, а зачем? Добро бы деньги получал, как педагог-руководитель, а то ведь... С чего бы это?

– Пугаешь, что ли? – Тоненько, на грани ультразвука, зазвенело в ушах – признак близкой ярости, когда уже не думаешь о самосохранении.

Но Артур проговорил примирительно:

– Не пугаю. Я-то вполне понимаю тебя... Но и ты пойми: нам очень нужны умные люди. Знающие... А устанешь или надоест – иди с миром. Насильно не держим.

Они сидели в комнате Валентина. В клетке чирикал бестолковый, не разговаривающий, но любимый попугай Прошка.

«А ведь он не выживет без меня,дохнет», – подумал Валентин. Однако уже без унылости и бессилия. С пружинной скученностью в душе. Он ясно посмотрел в покрасневшие, кроличьи какие-то глаза Косикова... Нет, к самому Артуру он ничего не имел. Делает свою работу человек, что с него возьмешь... Но какая равнодушная к чужим судьбам сила стояла за Артуром Львовичем Косиковым, несостоявшимся архитектором, шурупчиком всемогущего Ведомства! Сила, которая почему-то считала себя вправе походя ломать жизнь любого человека, в том числе и его, Валентина Воынова. Отрывать его от тех, кого он любит. Губить его дело, растаптывать душу и самолюбие...

Кидаться под чугунный каток, чтобы он раздавил тебя, даже не заметив? Оторвал бы от ребят, от Альки, Бориски, Сережки, Галки, от восьмилетнего «репейного» барабанщика Антошки Лапина, которого все вместе укрывали и защищали от пьяницы отчима? От славных бесенят Светки и Юрика Петушковых – любимцев «Репейника»? От той незамутненной жизни, которую он наконец-то нашел в конце третьего десятка жизни?

Валентин сказал с усмешкой готового к решению человека:

– Сейчас ты разумно аргументируешь. А зачем же вчера-то этот спектакль устроили? С вызовом, с мобилизацией...

Артур Львович Косиков ухмыльнулся с неосторожной ноткой самодовольства:

– Методика. В соответствии с рассчитанным индексом вербуемости. Для начала-то всегда нужна затравка...

– Значит, затравка... Индекс... – без выражения сказал Валентин.

– Ага... Ну так что, а? Заметано?.. Данилыч, правда, говорил, что я зря спешу. Мол, тебе надо не меньше трех дней, чтобы согласиться... А по-моему, он это зря. А?

– Зря, – кивнул Валентин. – А ля гер ком а ля гер...

– Что?

– Я сказал: на войне как на войне.

– А! – по-своему понял Артур. – Ну, я говорил, что все будет о'кей. Что ты свой человек...

3

Итак, они сидели друг против друга – Валентин на кровати, Абов на откидушке.

– К вам-то, я полагаю, это не относится. Фактор страха, – повторил Абов. Кажется, без всякого подтекста.

– Отнюдь... Очень даже относится. Относился, вернее... Индекс вербуемости был рассчитан точно, – тяжело сказал Валентин. – Ко мне не относится другое. Я никогда не был «вашим» человеком.

– Как это? – Припухшие веки Абова живо шевельнулись и опустились, маскируя острый интерес. Это напускное равнодушие отозвалось в Валентине неожиданно болезненным уколом. И вдруг захотелось горько выплеснуть одному из этих то, что долго носил в себе. Не отрывочными намеками, как раньше, а открыто, от души. Тем более, что твердым болезненным комком сидел в памяти случай с Илюшкой и Мухобоем, а за поясом тяжело ощущался «бергман». И злая досада требовала выхода.

– Для начала один давний случай, – неторопливо и чересчур спокойно начал Валентин. – Лет этак шесть назад я с небольшой делегацией художников-графиков оказался в сопредельной и весьма дружественной в то время республике Магнал, на берегу Большого пролива. Жизнь у нас была вольная, никого из вашей фирмы к нам не приклеили, полагая, видимо, что достаточно меня. Вечерами шастали мы по приморским кабакам, и там «нащупал» я одного местного торговца сувенирами. Коричневый, сморщенный такой, но крепкий мужичок. Он обменивал на всякое иностранное барахло и продавал за любую валюту морскую добычу. Раковины, кораллы, препарированных черепах и морских звезд... А скоро стало понятно, что этот жучок кофейного цвета – шеф большого подпольного бизнеса, морскую живность добывал он не сам, а нещадно эксплуатировал вместе с помощниками местных ребятишек, платил им дырявые гроши... Дома, в очерке о состоянии дел в этой республике (а состояние, кстати, было фиговое, пока она не перестала якшаться с нами), упомянул я и об этом «подданном царя Нептуна». Уверен был, что наши просигналят, как положено, а полиция дружественного государства возьмет мужичка. Оказалось иначе. Как узнал я гораздо позднее, наши занялись мужичком сами. Быстренько раскололи, надавили (индекс-то разработан) и сделали из мужичка своего агента... Возможно, и сейчас работает...

– Ну и?.. – слегка удивленно сказал Абов.

– В смысле «ну и что тут такого»?

– Именно. Дело есть дело...

– А те пацаны? – тихо сказал Валентин. – Почему до них никому не оказалось дела? Они-то по-прежнему за гроши надрывают легкие, зарабатывают хронический энурез и, возможно, тонут, не рассчитав сил!.. Крошечная деталь на фоне мировых событий (да и наших, в Федерации, тоже). Однако в ней – вся «мораль» славного Ведомства, стоящего на страже «самой гуманной государственности»... А?

Абов опять побарабанил белыми пальцами по колену.

– Знаете, я ведь во многом согласен с вами...

– «Но...» – подсказал Валентин.

– «Но», разумеется, есть. Однако что там... Наверно, вы могли бы привести примеры и поярче. Не из заморской жизни, а из нашей. Да и сам я...

– Мог бы! Но, надеюсь, вы понимаете, что с самого начала у меня не было желания увеличивать число таких примеров своей службой Ведомству? А оно от меня этого хотело...

Абов поглядел понимающе, без упрека:

– И вы повели двойную игру...

– Не было двойной игры, – жестко сказал Валентин. – Потому что в вашу пользу я не играл никогда.

– Судя по всему, вы были достойным противником Ведомства, – не поднимая век, сказал Абов. Со смесью уважения и насмешки. Впрочем, насмешки – больше.

– Конечно, я микроб в вашем понимании, – без обиды согласился Валентин. – Однако акула может ухватить зубами рыбу и зверя, а вот микроба – труднее...

– Но может проглотить...

– А я и был проглочен, черт возьми! И приходилось вертеться в этом вонючем чреве!.. И не запачкаться о всякое дерьмо, конечно, было невозможно...

Артур врал, разумеется, что Валентину придется давать лишь общие сведения и быть кем-то вроде эксперта. Пришлось и характеристики писать на разных деятелей искусства, и делать нечто вроде репортажей из кулуаров съездов и фестивалей... Тошно, гадко было на душе, и одно утешение, что, слава Богу, сумел никому не повредить, а порой и отвести от кого-то idiotские подозрения. Зато на нескольких провокаторов, которых ему знать не полагалось, но которых он вычислил довольно быстро и безошибочно, с удовольствием накатал с три короба. Вычислить было не трудно, потому что эти типы, как и заморский торговец, работали со старанием, но на страхе...

Противно было и стыдно, когда на «явке» – в дешевом гостиничном номере или в задней комнате какого-нибудь окраинного магазинчика – он писал под сопение сидевшего рядом Артура: «По вопросу о (фамилия, имя, отчество, место службы) информатор может сообщить следующее...» А в конце (если только речь шла не о дураке стукаче из Артуровой обоймы) он выводил: «О политически-оппозиционных и ущербных высказываниях и поступках данного лица информатор сведениями не располагает». И чужая, с нелепой закорючкой подпись: «Свирский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/skazki-o-rybakah-i-rybkah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)